

Евгения
Морозова

И КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

ЛЮБИТ...

ЧАСТЬ 1

Евгения Морозова

И каменное сердце любит...

«Издательские решения»

Морозова Е.

И каменное сердце любит... / Е. Морозова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937460-8

В российской семье произошла трагедия. Исчезла Анна, мать Ванечки. Бабушка воспитывала внука одна. Через 15 лет внезапно исчезает внук на том же отрезке пути, где и его мать. Неисповедимы пути Господни! Мать и сын встречаются далеко от Родины, но судьба снова разлучает их. Бывает, что человек, как песчинка в бархане, не может управлять событиями. Но он всегда должен следовать высоким моральным идеалам. Иван прошел трудный путь становления личности, но трудности сделали его настоящим человеком.

ISBN 978-5-44-937460-8

© Морозова Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

И каменное сердце любит...

Евгения Морозова

Дизайнер обложки Любовь Третюк

© Евгения Морозова, 2018

© Любовь Третюк, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-7460-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мои дорогие и уважаемые читатели! Книга Где-то далеко... написана для вас. Мой статус-пенсионерка уже более двадцати лет. Теперь появился еще один статус – писательница.

Мой возраст – 74 года, и он как раз и подразумевает максимальную занятость творчеством. Дети взрослые, у них своя самостоятельная жизнь. Помощь мамы им уже не требуется.

Прожитые годы – это копилка жизненного опыта, который я просто обязана передавать младшему поколению.

Судьба моя во многом похожа на судьбы моих сверстников, родившихся во время Великой Отечественной войны. Но среди нас были и «счастливчики», которые не потеряли своих родителей в огненном котле войны. А я осталась полной сиротой в возрасте двух лет.

Мои корни из алтайского села с необычным названием – Лосиха. За три года до войны моя мама ушла в город Сталинск пешком... Было ей в тот момент 14 лет, она была рослой крепкой

девушкой. Поэтому ей удалось устроиться в ФЗО (фабрично-заводское обучение) и получить работу на металлургическом комбинате. Ей так хотелось учиться! Она даже сдавала кровь, чтобы как-то свести концы с концами, потому что ее мама жила в деревне и мало чем могла помочь дочке.

Разразилась Великая Отечественная война. Моя мама тут же пошла на курсы медсестер. Перед самой отправкой их группы на фронт случилась ужасная диверсия на металлургическом комбинате: обед в столовой комбината оказался смертельным более чем для полутора тысяч человек.

Моя мама выжила, но жизнь ее оказалась недолгой. Она умерла в свои двадцать четыре года, уже после войны. Вскоре умер мой отец. В результате я осталась сиротой в возрасте двух лет. Родителей мне заменила бабушка. Росла я здоровым и жизнерадостным ребенком. Хотя завидовала всем детям, у которых были и папа, и мама...

Жизнь моя не была праздником. Было много горя и потрясений. Но сибирские корни, крепкие сибирские гены помогали пережить все, что выпало на мою жизнь.

Так сложилось, что из-за слабого здоровья нашего малыша мы неоднократно меняли регионы проживания. И вот уже совсем недавно мы с мужем выбрали место под солнцем – олимпийский Сочи. Нас привлекли не столько величественные олимпийские объекты, сколько мощная энергетика этих мест. На дне Черного моря находятся затопленные античные города, волны выносят на берег совершенно необыкновенные камни с рисунками... Живописные горы, покрытые густым непроходимым лесом, богатая история этих мест... Хотелось бы знать, какие люди смотрели на эти же горы пятьсот или тысячу лет назад...

В период перестройки невозможно было расслабиться. Надо было выживать в сложных экономических условиях. И только с выходом на пенсию я почувствовала полную свободу выбора занятий по душе.

Я увлеклась астрологией, хиромантией и другими интересными вещами. Начала писать стихи. Иногда я слышала мужской голос, который обращал мое внимание на события, которые как в калейдоскопе мелькали перед моим мысленным взором. И тут же появлялись слова, которые складывались в четверостишия. Потом появились рассказы в прозе.

Я с огромным интересом училась в разных эзотерических школах. Мой учитель – умный и сильный экстрасенс в медитациях учил нас вхождению в прошлые жизни, учил работе с шаром Каллиостро и многим другим интересным вещам. Мне оказалась близкой техника вхождения в прошлые жизни через священное пространство сердца.

В последние два года появилось огромное желание взять в руки кисть и писать маслом. В результате написано более сотни картин. Все, что создано и вышло в свет, должно радовать людей. Открыла интернет-магазин по продаже картин на сайте Ярмарка мастеров (evgenya72livemaster.ru). Мои картины поселились в домах россиян, а также в Англии, Америке, Израиле, Арабских Эмиратах.

Я пишу цветы, пейзажи. Нет в моих картинах тем ужасов, напряжения. Есть большое желание принести радостное и хорошее настроение людям.

На сегодняшний день вышли в свет уже 12 моих книг. Многие книги написаны на основе реальных событий. Занятие астрологией, проведение индивидуальных консультаций позволяет мне видеть развитие судеб разных людей. Что ни человек, то целая повесть.

Данная книга «И каменное сердце любит...» сама просилась на бумагу. Случилось так, что я сделала простенькую картину, на которой изобразила вечернее море, а на песчаном пляже любуется закатом солнца влюбленная парочка. Девушка склонила головку на плечо парня. Я сама почувствовала мощную энергию этой картины.

Я подарила ее близкой мне девушке, которую люблю так, как будто она моя кровная дочь. Через год на камне на фигуре парня появилось темное пятно с четким рисунком сердца. Именно на месте сердца! За три года какие только метаморфозы не происходили с этим камнем! Возникшее очертание сердца стало расплываться черным пятном по всему камню. Потом стало исчезать и вместо черного с-ердца возникли черно-белые полосы, показывающие чередование в жизни черных и светлых периодов. Мы видели, что сердце явно исчезло. Однако, не навсегда! Очертания сердца появились среди черно-белых горизонтальных полос. И, как ни удивительно это было наблюдать, появилось оно в белом ореоле, а полосы исчезли. Жизнь девушки тоже менялась с изменениями на камне.

Я была у поражена до глубины души! Логического объяснения не нашла, но появилось желание об этом камне рассказать вам, дорогие мои читатели! Сейчас издана первая часть

книги. Вторая часть появится чуть позже. Такие события вполне могли иметь место в реальной жизни. В жизни иногда случается такое, что не придумаешь специально.

Дорогие мои читатели! Я заранее благодарна вам за внимание к моим мыслям, к моим героям.

Желаю вам всего самого доброго прекрасного!

Разлука научит тебя любить
по-настоящему.

(Антуан де Сент-Экзюпери)

Глава 1

Полуденное летнее солнце приятно согревало. Было непривычно жарко, хотя обычно финский климат не баловал народ множеством солнечных и ярких дней. На холме всеобщий покой нарушал лишь легкий ветерок, пробегающий по верхушкам деревьев и кустарников. Да еще по траве мягкой волной перекатывался тот же самый ветерок, как бы приглашая порезвиться всех вместе с ним и порадоваться хорошему солнечному дню.

Усадьба Хенрикки очень живописно расположилась на холме. Тут жили несколько поколений его предков, и именно этот отличительный признак, расположение усадьбы на холме, дал их семье специфическую фамилию – Мякинен, то есть живущий на холме.

Но ничто сегодня не радовало Хенрикки. Он сидел во дворе своего дома под деревом. Это деревце еще в детстве он сам воткнул в землю вместе со своим отцом. Отец выкопал ямку, налил туда воды. Взял в руки саженец белой березы, подал его в руки сыну и сказал с необычно теплыми для него нотками в голосе:

– Сынок, Хенрик! Сегодня ты посадишь первое в твоей жизни дерево. Это будет первое дерево, но не последнее! Ты уже понял, какое деревце ты посадишь?! Вижу, родной, ты понял! Да! Это белая береза! Одно из самых любимых финнами деревьев. Пусть это дерево растет так же быстро, как растешь ты у нас, сынок! И ты не будешь болеть, и дерево будет здоровым!

Мы, финны, считаем деревья живыми существами. Вот тебе, сынок, деревце, опускай его с корешками в ямку и держи ровненько. А я засыплю корни землей.

Мальчик торжественно выполнял обряд с папой. Он понимал, что белая береза будет разрастаться во дворе у самой калитки. Здесь они с отцом поставят деревянный квадратный стол и вокруг него соорудят деревянные скамейки. В каждом дворе есть заветное место, где любят собираться все члены семьи. Только под кроной белой березы можно собираться всей семьей, но так же приятно – здесь пребывать в полном одиночестве, обозревая окрестности.

Почему его отец выбрал именно это место у калитки? Было понятно, почему. Даже Хенрикки понял. Это было самое высокое место, отсюда видны все окрестности на много километров вокруг. Даже видна территория Советского Союза. Ох, уж этот Советский Союз! Он казался финнам как бескрайнее море с его огромными территориями. Нет им ни конца, ни края. И люди русские казались финнам даже более суровыми, чем они сами.

Еще недавно с русскими была война. Слава Богу, в семье Хенрикки ни один мужчина не погиб. Но ушел уже из жизни его отец. И матери давно нет на свете. Хенрикки теперь стал хозяином усадьбы. Сколько же лет прошло с того дня, когда он посадил свое первое деревце?

Мужчина сидел под зелеными пушистыми ветвями белоствольной березы, на той самой лавочке, которую своими руками сколотил его отец. Он опирался локтями о старенький стол, его взгляд был отсутствующим и почти безжизненным и был устремлен на российскую сторону. Он молчал уже много дней подряд. В душе он понимал, что и говорить ему не с кем, и пожалеть его некому. И вообще, остался он совершенно одиноким, хотя еще и не старым человеком.

Над усадьбой светило солнце, птички еще резвились, но и им не хотелось нарушать покой хозяина, и они расположились в тени ветвей над его головой. Хенрикки с тоской во взгляде поднял голову, посмотрел на птиц. Появилось ощущение, что птички, обычные обитатели его усадьбы где-то порхали в другом месте. А вместо них сейчас были не птицы... Это были его сыновья...

Хенрикки почувствовал ужасную боль в сердце, прижал руку к сердцу, которое билось так сильно, что вздымалась и опускалась грудь. А потом переставало биться, и Хенрикки мысленно прощался с жизнью, обводя в последний раз взглядом дом, скотный двор, птичник и огромный двор. Все здесь было родным и близким. Сердце не подвело, и этот приступ не ока-

зался последним. Сердечко восстанавливало свой ритм, и Хенрикки благодарил Бога за продление его жизни.

Он сидел как изваяние на постаменте, у своей калитки, и его было видно со всех сторон. Только кто его мог увидеть, когда в своей усадьбе остался он да еще эта русская... И она не принесла ему счастья... Очень жаль, что все так сложилось. Он сломал ее жизнь, состарил ее вечными придирами и криками, пустыми капризами... И сам был глубоко несчастен... Охо-хо-хо-хо...

Хенрикки оглядел свою усадьбу. И ему показалось очень странным, что даже солнце, подарившее ему столько много света и тепла, не озарило радостью его дом. И он четко увидел темную тучу, как будто черной пеленой затягивающую весь холм. Такое видение ему являлось не в первый раз. В четвертый... И он понимал, что за этим последует...

Из дома выскочила женщина. Она подбежала к Хенрикки и что-то ему тихонько стала говорить. Он отмахнулся от нее, показывая этим нетерпеливым жестом, что продолжение ее слов бессмысленно, тяжело встал с деревянной лавки и медленно пошел в дом, опираясь на палочку. Он не выглядел маленьким и тщедушным. А даже напротив – высокий, полный, с совершенно белыми седыми волосами, густыми и волнистыми. Женщина пыталась поддержать хозяина, но он в гневе оттолкнул ее от себя. Она упала, но тут же быстро вскочила на ноги и пошла рядом с ним.

Хенрикки ступал тяжело, каждый шаг давался ему нелегко. Он теперь уже не расставался с палочкой. В доме он швырнул палку, она пролетела как ракета и попала в стеклянный кувшин с молоком. Кувшин с треском развалился на несколько частей, и молоко хлынуло на пол. Хозяин спешил в комнату, где были самые большие окна, и из комнаты имелся свой выход в садик.

Эту комнату занимал его сын, его третий по счету сын. Самый младший. Он каждого из своих сыновей любил особой любовью, готов был отдать каждому из них свое сердце. Но Господь не брал его сердце, он забирал сыновей. Одного за одним...

Младшего сыночка Хенрикки назвал символичным именем: Олави – наследник. И его мальчик рос какое-то время здоровеньким. Он был активным, непоседливым. Русская женщина – прислуга то и дело стояла под деревом и просила Олави спуститься вниз, потому что он еще маленький, может упасть с высоты и разбиться. Олави кричал, что спустится только тогда, когда внизу будет стоять папа и поймает его в свои большие и сильные руки. Озорник!...

Сейчас же Олави лежал на кровати. Покрытое синевой юное лицо, тени под глазами, высохшие костлявые руки напоминали уже скелет. Это было ужасное зрелище. Мальчик почти не дышал. Отец упал на колени перед кроватью, аккуратно взял его руку в свои могучие ладони, покрыл поцелуями пальцы сына, слезы катились по его лицу. Отец не стеснялся русской, он целовал пальчики сына и кричал, что сын не имеет права уходить раньше отца, что он для сына подготовил богатое наследство...

Хенрикки не владел собой, бился в конвульсиях. Как будто это именно он, а не сын, умирал от тяжелой наследственной болезни, скосившей всю его семью – жену и троих сыновей. Олави уже не понимал, что происходит вокруг него. Душа прощалась с юным телом. Ей и самой не хотелось уходить так рано, поскольку мальчик вырос очень умным. Из него мог бы получиться отличный ученый, который нашел бы спасение для умирающих от генетического заболевания родственников. Но... Каждому человеку свой путь. Жизнь дается каждому, а вот старость – лишь избранным.

По телу мальчика пробежала последняя волна, он резко вздохнул, как будто хотел подняться, но... вдох был последним. Он закрыл глаза, и голова отвернулась от отца. Хенрикки отпустил руку сына, упал на пол и пытался руками схватиться хоть за что-то в этой комнате. Наконец, под руку ему попало полотенце, которым русская смачивала лоб Олави. Обезумев-

ший от горя отец схватил полотенце и пытался затянуть его на своем горле. Он хотел умереть рядом с сыном, жизнь без любимого мальчика не имела смысла.

Хенрикки стягивал узел на собственном горле все туже и туже. Пока русская не поняла, что хозяин пытается уйти из жизни вместе с сыном. Она изо всех сил рванула полотенце из его рук и выбросила его в другую комнату.

– Хозяин, пойдите отсюда. Пойдите!

Обезумевший Хенрикки схватил женщину за ноги и умоляюще прохрипел:

– Роди мне сына, роди! Я умоляю тебя! От тебя будет здоровый сын. Это же не я болен, а моя жена. И все наши три сына ушли вместе с ней. Все на кладбище! Все! – Он рыдал так горько, что и русская упала с ним на пол и тоже горько рыдала. Ведь она привязалась к мальчику и полюбила его как своего ребенка.

Русская все-таки нашла в себе силы подняться и пошла к работникам. Нужно было все подготовить к похоронам. Поскольку они жили в очень большом удалении от села, то у них даже кладбище было свое. Зачем мучить покойников дальней дорогой. Им ближе к родным и лежать приятнее. Началась подготовка к похоронам. А русская вернулась к хозяину.

Он лежал на полу. И сам выглядел не лучше усопшего сына. Увидев русскую, он знаком попросил ее сесть с ним рядом. Взяв ее руки в свои, он нашел в себе силы только лишь простонать.

– Айна, не уходи из дома. Прости меня, если сможешь. Останься! Не обижу никогда больше. Никогда! Клянусь собственной жизнью!

Женщина чувствовала себя едва ли лучше хозяина. Она сидела рядом с ним, гладила его по спине и ничего не хотела отвечать. Но ему этот вопрос был очень важен.

– Айна! Ты меня слышишь? Я хочу все по закону сделать. Чтобы ты стала моей женой, потом наследницей. Чтобы родила мне сына, а, может быть, и несколько сыновей. Я буду самым счастливым человеком. А? Айна?

– Нет, Хенрикки, сомневаюсь, что я способна зачать ребенка. Мое здоровье подорвано тяжелыми ведрами для коров, спина больная.

Айна встала и пошла заниматься хозяйственными делами. Комната Олави уже была пуста. Тело готовили к погребению. Мальчик будет похоронен в двухстах метрах от дома, на родовом кладбище. Женщина присела на краешек кровати, где еще совсем недавно лежал Олави, погладила место, где находилась его головка, ей стало совсем невмоготу. И она сама, и отец мальчика в последний месяц понимали, каков будет исход. Мальчик медленно умирал. Ему не в силах были помочь никакие врачи.

Хенрикки несколько раз вывозил своих детей и жену в Хельсинки, чтобы показать лучшим докторам, но ни одно медицинское светило не могло дать гарантии его любимым сыновьям и жене. Ужасный перекоп ДНК, болезнь крови передается по наследству. Его жена была носителем генетического заболевания. Но ее родители не болели. А вот девочка оказалась подверженной страшному заболеванию.

Никто в семье не мог с уверенностью сказать, кто из семьи окажется следующим кандидатом на семейное кладбище. Его жене и сыновьям не повезло.

День был невыносимо длинный и трудный. Хенрикки был в прострации, периодически раздражаясь горькими слезами. Потом успокаивался как-то и тупо смотрел в одно место. Смерть сына была ожидаема, но легче от этого не становилось. Как он сможет пережить уход последнего сыночка, последней надежды, он не знал. Самому хотелось уйти вместе с сыном.

Ночь была тяжелее, чем наполненный болью день. Хенрикки сидел рядом с сыном всю ночь. Айна не отходила ни на минутку. Он был благодарен женщине за то тепло, которым она его поддерживала все эти годы. Хоть они и не были близки, и он исковеркал всю ее жизнь, но она все годы старалась облегчить его судьбу.

В полдень мальчика похоронили. На церемонии присутствовал отец, Айна и все восемь работников. Это были четыре семейных пары, которые жили в отдельных домиках, построенных специально для каждой семьи. Хенрикки создавал для людей хотя бы минимальные блага, чтобы у них не терялось ощущение собственной семьи, когда быт и все 24 часа в сутки принадлежит хозяину. Люди, прожившие на холме уже около 10 лет, были почти как члены семьи. Все оплакивали Олави. А он уже был далеко отсюда. Боль покинула высохшее тельце. Лицо его было спокойно.

Какому родителю хочется остаться на земле, когда умирает его ребенок... Дом опустел. Вернулись с похорон, помянули усопшего и разошлись по своим делам. Животные всегда требуют постоянного внимания и ухода. Выходные и траурные дни – это удел людей.

Айна убрала со стола посуду, вымыла все, прибрала в кухне и села рядом с Хенрикки на скамейку. Погладила его по руке. Ей было бесконечно жаль осиротевшего хозяина. Он по своему понял ее ласковый жест. Повернулся к ней и сказал всего одну фразу.

– Завтра ты станешь моей женой.

Увидев ее испуганное лицо, он только утвердительно кивнул головой, подтверждая этим кивком твердость своих намерений. Взял палку в руку и поковылял к калитке, где он сидел под зеленой кроной всю последнюю неделю.

Глава 2

Наступила ночь. Первая без Олави. Хенрикки не представлял себе, как он будет жить в вакууме, в этой ужасной пустоте. Сколько лет с ним на его усадьбе проживает Айна? Да, почти 15 лет. Столько же лет, сколько исполнилось со дня смерти жены – *его Айны*.

Воспоминания нахлынули и Хенрикки, желал он того или нет, снова оказался мыслями в том тяжелом времени. Правда, его молодость, встреча со своей любимой Айной, их нежные отношения... Там не было никакого горя. Никто не мог предположить, что его милая светленькая Айна принесет с собой смертельную болезнь для себя и их крошек-сыночек.

В 1972 году родился их первенец Селло, через два года, в 1974, родился Петри, а в 1975 – Олави. Три сына подрастали на радость родителям. Вдруг начались проблемы у среднего – Петри. Малыш сторел в течение двух недель. Хенрикки оплатил огромные деньги, чтобы доктор прибыл максимально быстро. Но помочь ничем невозможно. Это была генетическая болезнь крови по материнской линии.

Тогда еще Хенрикки не подозревал о нависшей угрозе над всей его семьей. Малыша похоронили, но и Айна вскоре перестала вставать с постели. Она ушла из жизни тихо, как будто извинялась перед мужем за то, что это она виновница смерти их среднего сыночка – Петри. Две свежие могилки на семейном кладбище... Хенрикки поседел, ссутулился, он не мог ни с кем разговаривать. Остались на его попечении двое мальчишек: старший – Селло, четырехлетний и младшенький – Олави, которому только недавно исполнился годик. Еще была жива мать Хенрикки, старушка Каролина. Она старалась заменить мальчишкам ушедшую мать.

Однако беда пришла оттуда, откуда ее совсем не ждали. Старший Селло загоревал так, что отказался от еды. Ребенок таял на глазах. Он все время спрашивал, когда же придет мама, почему она оставила его одного. Его синие глаза смотрели на взрослых так серьезно и не по-детски, что отец боялся даже показываться ребенку на глаза.

Со дня смерти Айны прошло три недели. И взрослые понимали, что вполне вероятны следующие похороны, Селло без матери не хотел жить. Тем вечером мать вызвала сына на разговор.

– Сынок, нам необходимо что-то предпринять. Малыш совсем слабенький стал. Он не ест, не спит. И смотрит весь день в окно. Ждет мать.

Хенрикки опустил голову, запустил пальцы в лохматую поседевшую шевелюру и просто-нап.

– Мама, хоть убей меня, не знаю, чем помочь ребенку. И сдаваться нельзя. Надо что-то делать! Где я найду жену? Этому надо уделить время. Я не могу бросить хозяйство, везде нужен хозяйский контроль. А малыш угасает. Из деревни кого привезти? Тоже время нужно, чтобы поискать среди людей, поговорить. Найти хотя бы внешне похожую.

– А мне, Хенни, вот что в голову пришло! – мать быстро заходила по комнате, держа на руках младшенького внука. – Надо договориться с мужиками на границе, пусть с советской стороны приведут девушку, внешне похожую на нашу Айну! Как думаешь?

– Она же не согласится! Зачем русской девушке отправляться черт знает куда?

– А нам и не надо ее согласия спрашивать! Там выследят, похитят ее, проведут через границу. А обратно ей дороги не будет. Все вокруг знают, что тропинок много, но лишь две из сотни не ведут в трясину. Ночью привезут ее к нам. Я с ней поговорю. Скажем, что она нужна будет не более чем на пару месяцев, пока ребенок придет в себя. А мы ей заплатим хорошие деньги. Ну что? Как тебе моя идея?!

– Ты права! Давай не будем терять ни минутки. Я сейчас побегу к Джунасу. Он занимается всякой незаконной деятельностью. Думаю, такой заказ он тоже согласится выполнить. Его девиз – деньги не пахнут.

– Согласна, сын! Даже на ночь глядя есть смысл спуститься с холма и поискать Джунаса. Мать осторожно положила малыша на кровать, подошла к сыну, обняла его, поцеловала и вложила ему в руку руну.

– Вот этот талисман принесет тебе удачу. Родной, береги себя! Возьми фонарик и ружье.

Хенрикки вспоминал, как он быстро спускался с холма, почти скатился кубарем. Пришел в полночь к Джунасу, тихонько постучал в окно. Джунас вышел так быстро, как будто поджидал визитера.

– Что-то случилось, Хенни? Мы с тобой обычно дел никаких общих не имеем. А тут прибежал ночью. Рассказывай! Даже если не смогу помочь, твоя тайна останется навсегда никому не известной. Я, Хенрик, тебе очень сочувствую. Слышал о твоем горе. Прими мои сопереживания.

Они сели на крыльцо, и Хенрикки тихонько рассказал, с какой просьбой он пришел, и что жизнь сына ему дороже своей собственной.

– Вот посмотри, Джунас, я принес тебе фотографию моей умершей жены. Девушка должна быть максимально похожа, чтобы сын узнал в ней маму. За твою работу я тебе оплачу хорошие деньги. Вот задаток. Вторая половина будет после того, как увижу девушку у себя в доме.

– Согласен. Принимаю заказ. Несколько дней постараюсь подождать, отвлекай сына обещаниями. Будет твоему малышу мама. Иди домой и береги себя. Тебе предстоит столько трудностей, а сколько ты уже пережил... Некоторым за всю жизнь не испытать того, что ты уже выстрадал.

Они обнялись совсем по-дружески. Хотя никогда друзьями не были. Очевидно, сердце Джунаса дрогнуло при виде измученного Хенрикки.

Вернувшись домой, Хенрикки лег спать и положил рядом с собой в кровать Селло. Ребенок нуждался в матери. Понятное дело, отец не мог заменить мать, поскольку ребенку нужны и папа, и мама. Селло не спал. Он тихо лежал лицом к окну и смотрел, когда же наступит рассвет и к нему вернется мама.

Отец нежно и бережно взял в руки мальчика, прижал его к себе и прошептал на ушко:

– Скоро к нам мама вернется.

Малыш встрепенулся, его глазки заблестели. Это было видно даже при свете слабого фонаря.

– Когда, папа?

– Она прислала письмо и сказала, что ее лечит доктор. Еще несколько дней, и наша мамочка к нам приедет.

– Папа, а где ее письмо? – спросил мальчик с надеждой и одновременно с тревогой.

– Вот оно, родной! – отец подал страничку, на которой только что написал несколько предложений.

– Папа, читай, читай! Пожалуйста!

– Дорогой мой сынок Селло и маленький Олави! Самые лучшие мои детки! И мой муж, ваш папочка – Хенрикки! Я вас очень люблю, и очень скучаю по дому. Но осталось совсем немного, я буду совершенно здорова. Я приеду домой и хочу видеть вас всех здоровыми. Особенно тебя, мой любимый Селло! Помнишь, мы с тобой говорили, что твое имя означает «Кузнец». Селло, кузнец должен быть очень сильным! А сила к мужчине приходит только с едой. Вот сейчас тебе папа нальет сливочек, и ты выпей хотя бы полстаканчика. А утром бабушка сварит тебе курочку. Это тебе нужно. Я буду волноваться и не смогу выздороветь быстро, если ты не будешь кушать.

Хенрикки читал письмо, даже пальцем по строчкам водил для большей убедительности. Он готов был и сам поверить тому, что читал экспромтом сейчас сыну. Но на мальчика это

подействовало. Он ведь верил папе. Отец держал малыша на руках и вместе с ним отправился в кухню. Проснулась бабушка.

Селло протянул бабушке листок – письмо от мамы и радостно сказал:

– Бабушка, давай сливок. Я выпью! И утром ты мне нальешь сливок, и я выпью целый стакан. Надо маму дождаться. Если я буду болеть, то и она не выздоровеет.

Сливки ему показались необычайно вкусными, он вернул пустой стакан бабушке, обнял отца за шею и в ту же минуту уснул. Отец положил его к себе на подушку, и они с бабушкой вернулись в кухню. Сели за стол и расплакались. Сын не стеснялся плакать при матери. Она страдала точно так же, как и он.

Прошло три дня. Селло не отходил от окна, но он ел то, что ему готовила бабушка. Однако мамы все не было. И у ребенка иссякла вера и надежда. Он вышел крыльцо, смотрел в сторону калитки. Затем молча поднимал глаза на отца или бабушку, в них застыл вопрос:

– Где моя мама? – Вечером ребенок отказался от ужина. – Вот приедет мама, и я буду есть. А пока – подожду...

Вдруг раздался негромкий стук в дверь. Хенрикки кинулся к двери, открыл и обомлел – перед ним стоял Джунас, а рядом с ним – Айна. Конечно, это не могла быть его жена, просто эта девушка была настолько похожа на нее, что сам он чуть не лишился чувств.

Селло держал под контролем ситуацию. Он понял, что его мама выздоровела и теперь приехала домой. Он вскочил и кинулся к порогу.

Ребенок был настолько взволнован, его силенок оставалось только на то, чтобы громко крикнуть:

– Мамочка, моя любимая! Ты больше не болеешь? Мамочка! Я тебя так ждал! Я знал, что ты меня не обманешь! – Он сделал рывок к девушке, словно готовясь прыгнуть к ней в объятия и свалился, как подкошенный.

Ребенок от волнения лишился чувств. Все плакали. В том числе и Джунас. Все словно оцепенели. Одна только бабушка не растерялась. Она схватила малыша на руки, подняла с пола и обратилась к девушке:

– Айна! Возьми его на руки! Видишь, как он ждал маму. И она пришла. Только ты можешь спасти ребенка! Не бойся, возьми его на руки. Пойдем в дом!

Женщины с малышом ушли в комнаты. Хенрикки обнял Джунаса, их слезы смешались. Как будто они породнились. Он вынес деньги и подал Джунасу. Здесь было дальше больше, чем оговаривалось. Джунас сказал:

– Это было нелегко. Но я все дни разговаривал с ней и кажется, что она поняла свою задачу.

– Спасибо тебе большое, Джунас! Пусть у тебя будет в жизни счастье!

Джунас ушел домой, а взволнованный Хенрикки побежал в комнату к женщинам.

Малыш обвил шею Айны тоненькими ручонками, прижался к ее щеке и всхлипывал. Он не мог нарадоваться возвращению мамы. Сама же Айна была в шоковом состоянии. Ее похитили, вели куда-то через болота... И теперь она должна стать мамой чужому ребенку, когда ее родной Ванечка остался без матери. Айна плакала, слезы катились ручейками по щекам. Но она поняла ужас ситуации. У мужчины умер маленький сынок двух лет от роду, умерла жена, и этот мальчик едва не умер. Она, по совести, должна помочь этой семье пережить горе. Но и они должны будут ее отпустить и перевести через границу назад, на Родину.

Хенрикки и его мать стояли перед девушкой, которая держала на руках спящего Селло. Они были потрясены тем, что малыш признал с первого взгляда в девушку свою маму – Айну, бросился к ней... А девушка не нашла в себе силы оттолкнуть плачущего ребенка, который просто умирал. Он даже добежать до нее не смог, потерял сознание. Сердце молодой женщины не выдержало. Когда бабушка Селло со слезами просила ее взять на руки мальчика, она не могла отказать.

Даже мужчина не мог сдерживать слез. Бабушка и не скрывала их. Мать и сын – чужие для нее финны, стояли перед ней и плакали.

Девушка пыталась положить малыша на кровать, но он тут же проснулся и крепко, насколько позволяли его исхудавшие ручки, обнял ее и буквально впился в ее шею. Он не хотел расставаться с матерью.

Бабушка подошла к девушке и усадила ее на кровать.

– Садись, дочка! – сказала она на ломаном русском языке. У них много лет работал русский конюх, и финны предпочитали общаться с ним на русском языке. Теперь знания пригодились. – Не волнуйся, не бойся нас! Мы тебе не враги. Ты видишь, какое горе случилось в нашей семье.

Девушка кивнула.

– У нас умер двухлетний мальш, умерла его мама. И чуть не умер Селло. А ты его спасла. Не бросай нас! Мы тебя не оставляем навсегда. Только на время! И денег заплатим много. Только побудь сейчас матерью этому несчастному мальчику.

– Хорошо. Я согласна. Но и вы мне обещайте, что дадите мне возможность вернуться домой. У меня там маленький сынок, такой же по возрасту, как Селло.

В этот момент проснулся самый маленький – Олави. Ребенок захныкал. Бабушка бросилась в другую комнату, взяла на руки мальчика и вернулась, держа на руках годовалого ребенка. У девушки расширились глаза. В них был ужас и испуг. Еще один ребенок, которому она обязана стать матерью по их устной договоренности, наступившей только что.

Бабушка была сама любезность. Чего не сделаешь ради внуков?!

– Как тебя зовут, дочка?

– Аня.

– Ну, будешь Айной. Так звали умершую мою невестку, мать малышей.

Тебе надо вымыться с дороги. Ты вся замученная и уставшая. Как только Селло отпустит твою шею, ты его уложи в кровать, а сама приходи в кухню, я там приготовлю горячую воду, чистую одежду, ты искупаешься в корыте, чтобы легла спать чистенькая. Тебе надо отдохнуть. Береги свое здоровье. Знай, что я всегда буду держать твою сторону. Постараюсь стать тебе матерью. У тебя мать есть?

– Есть.

– А муж есть?

Айна покачала головой отрицательно.

– У меня сынок есть и мама. Это вся моя семья.

– Они без тебя не пропадут. А потом ты вернешься и денег привезешь с собой. Ну, Айна, я пошла готовить воду для купания. Жду тебя в кухне. Да, я забыла тебе сказать, что мое имя – Каролина.

Каролина разогрела в очаге ужин. На столе появились кусочки отварного мяса, хлеб, зеленый лук. В котелке варился картофель. Через полчаса в кухню пришла Айна. Бабушка помогла Айне помыться, принесла отвар какой-то травы, чтобы прополоскать волосы. И они сразу стали такие шелковистые и ароматные, что Айна приятно удивилась.

Пока девушка переделась в одежду Аины, пока ела простую деревенскую еду, она незаметно осматривалась по сторонам и поняла, что попала не к бедным людям. Дом был просторный, с высокими потолками. Очаг большой, даже обеденный стол был огромным, рассчитанным на большую семью.

Каролина сидела напротив, подперев кулачком щеку, и смотрела на девушку. Айна подумала, что незнакомая женщина смотрела на нее как мать. И сквозь слезы улыбнулась Каролине.

– Вы чем-то похожи на мою маму.

– Ты только не плачь. А то тебя твой сыночек не дождется. Береги себя! И теперь иди спать. Спи на кровати рядом с Селло, а я с маленьким теперь сплю. Он такой крохотный, и ему очень нехватает материнского тепла.

Глава 3

Аня совсем расслабилась. У нее не было сил даже дотянуться до кровати. Каролина взяла девушку под руку и привела ее в супружескую спальню Хенрикки. Тут уже спал на широченной кровати маленький Селло. Он казался таким крохотным на этом большом ложе. Как только Аня легла рядом с ребенком, он моментально проснулся, снова обнял ее за шею, уткнулся носиком в ее плечо и так сладко засопел, что бедная девушка чуть не разрыдалась. Не от большой любви к чужому ребенку, хотя по-человечески ей было жаль малыша. Она вспомнила запах своего сыночка Ванечки. Он точно также засыпал у нее на плече, обнимая маму за шею.

Она лежала на чужой кровати, в чужом доме и, что еще более ужасно, в чужой стране. Хорошо, что тут ее хоть Каролина понимает. Аня почувствовала себя совсем маленькой и одинокой. Ощущение было такое, как в детстве, когда она заблудилась в лесу. Поднимала головку и смотрела на верхушки деревьев, сквозь которые едва было видно голубое небо. И никого вокруг не было... Она чувствовала себя маленьким листиком, который оторвался от материдерева и не знает, куда теперь его унесет. Тогда ее бросились искать десятки людей, и до наступления темноты отыскивали малыша под огромным деревом. Она свернулась в клубочек и пыталась согреться. В те далекие годы ее нашли. А кто найдет сейчас, если никому не известно, куда она исчезла.

Сейчас Аня тоже свернулась в клубочек, одной рукой обнимая спящего малыша, а второй – вытирала без конца бегущие по лицу слезы. Подушка уже была мокрой от слез. В конце концов, усталость взяла верх – Аня уснула.

Похоже, спала она не более полутора часов, потому что даже еще не наступил рассвет, а она вскочила с кровати. И первой была мысль о сыне. Как он, бедненький, без мамы. Они же еще ни разу не расставались! Она будет выхаживать чужих малышей, а любимый и единственный – без мамы, плачет ночами и спрашивает бабушку, когда же придет мама.

По законам природы утро должно сменить ночь, и оно сменило. Маленький Селло не оставлял маму ни на минуту. Он что-то лепетал и рассказывал ей обо всем. Аня только кивала ребенку головой, чтобы он понимал, что мама его слышит. Каролина пришла с малышом Олави. Если Селло еще помнил свою маму, то для Олави было пока без разницы, кто его держит на ручках. Аня взяла маленького на руки, он смотрел в ее глаза доверчиво и открыто, ребенок не ожидал ничего плохого от взрослых. У Ани сердце дрогнуло. Она прижала его к себе, погладила по головке, поцеловала и отдала ребенка Каролине.

– Каролина давайте определимся, что я должна делать. Мои обязанности.

– Айна, твои обязанности – дети. Больше ничего. У нас на усадьбе живут работники. Тут четыре семьи. Им построили отдельные домики на окраине холма. В дом приходит один раз в неделю женщина, которая наводит порядок в доме. Еду готовлю я сама. А ты будешь смотреть за детьми. Когда захочешь отдохнуть, предупреди меня, я заберу детей, а ты можешь выспаться как следует.

– Спасибо, Каролина! У вас доброе сердце.

Так потянулись унылые дни. Иногда в хлопотах Аня забывала о своей разлуке с мамой и сыном, но иногда горе наваливалось на нее такой огромной горой, что выбраться из-под этой горы просто не доставало сил.

Хозяин занимался делами. За малышом он был теперь спокоен. Его горе было так велико, что даже присутствие молодой красивой женщины в доме не влияло на его душевное состояние.

Аня в душе была рада тому, что не подвергается приставаниям хозяина. Но однажды Хенрикки повел себя совершенно неадекватно. Он проходил мимо, когда Аня развешивала белье на веревке, она даже не смотрела на хозяина. У нее были дела и ей не до мужчин. Хозяин

внезапно протянул к ней руку и больно ущипнул за бок. Такой болезненной щипок никак не был похож на ухаживания.

Девушка вскрикнула довольно громко и резко спросила, что ему нужно от нее. Он оглянулся по сторонам, опасаясь очевидно, гнева матери, и прошипел прямо Ане в лицо:

– Что надо? Ничего! Ты живешь, а моей Айны нет на свете!

– Разве я в этом виновата? Я выполняю обещанное, стараюсь заменить детям мать. Но ты обещал мне отправить меня домой. А прошел уже год. Сколько мне еще быть у тебя в плену?

– Ты будешь здесь до тех пор, пока дети нуждаются в тебе. – Его слова звучали резко. Очевидно, он и не собирался поступать по-другому. Ему нужно было усыпить бдительность девушки. Он как-то странно сгорбился и пошел прочь от Ани. Она понимала, что внутри него бушует гнев. Она вот жива, а его жены с ним рядом нет...

После этого случая Аня стала побаиваться хозяина. За это время она очень сдружилась с Каролиной. Они были как мать и дочка. Все время старались друг друга заменить в работе. Ведь Каролина была уже совсем старенькой. Горе сына ложилось на ее душу тяжелым грузом. Дети росли и радовали семью. Даже Аня, которую все в доме звали Айной, привязалась к детям и баловала их так же, как бы она баловала своего Ванечку.

Однажды Айна решилась на разговор с Каролиной. Она выбрала момент, когда Хенрикки не было дома, и сказала бабушке напрямик:

– Каролина, я хочу вернуться домой. Посмотри, ведь уже прошло пять лет с тех пор, как меня выкрали из родного поселка. Хенрикки обещал вернуть меня домой, но теперь об этом и слышать не хочет. А я хочу убежать.

Бабушка Каролина испуганно взглянула на Айну, ойкнула, прикрыла рот ладошкой и долго не могла прийти в себя. Потом схватила за руку девушку и утащила ее в кухню. Тут точно никто бы их не услышал. Дети спали. В доме они были одни.

– Дочка, я тебя очень хорошо понимаю. Но то, что ты затеваешь, очень опасно. Ты хоть знаешь, что на границе очень много тропок. А почему их так много? Их тут сотни, и прокладывали их специально. Многие из них заводят незнакомого человека в трясину, и он неминуемо погибнет в болоте, его засосет вглубь в течение одной минуты. Не успеешь выбраться.

Без проводника не выйдешь на российскую сторону. А проводники не согласятся пойти против моего сына. Он богат и упрям. Расставаться с тобой он не хочет. Ты заменила его детям мать. Он отпустит тебя, но это будет позже. Когда вырастут мальчики. Обещай мне, что ты не пойдешь на верную гибель!

Аня долго сидела, закрыв лицо руками. Когда отняла ладони от лица, Каролина увидела залитые слезами щеки своей Айны. Они обнялись, долго плакали от безысходности, а потом пошли к детям.

Прошло уже семь лет с тех пор, как Айна попала в финский дом и стала матерью чужим детям. Она привязалась к ним, любила как собственных кровных детей. Старшему Селло было уже 11 лет. Отец выписал учителя. Он жил на усадьбе и давал уроки обоим мальчикам.

Наступил день рождения Селло. Отец купил ему в поселке велосипед, и мальчик гонял на нем по всей усадьбе. Всем это нравилось и доставляло удовольствие наблюдать, как укрепляется мускулатура у Селло. Все шутили, что скоро в усадьбе будет свой кузнец, ведь имя Селло переводилось как слово «кузнец».

Однажды Селло летел на своем велосипеде мимо Айны, он махнул ей рукой и радостно смеялся. Скорость доставляла ему большую радость, когда ветер свистел в ушах... Внезапно он упал вместе с велосипедом на дорожку, изо рта хлынула кровавая пена, ребенок потерял сознание. Его лицо стало синеть. Прибывший на усадьбу доктор подтвердил диагноз нарушения кода ДНК. Через месяц Селло скончался. Горе всей семье было огромно.

В том же году из жизни ушла Каролина. Она не могла больше переживать смерть безвременно ушедших внуков. С ее уходом Айна лишилась самого родного ей человека. За семь лет

жизни на усадьбе Каролина оставалась для нее матерью. И теперь Айна осталась совсем одна. Если не считать Олави. Ему было восемь лет. Он верил, что Айна – это его мама. А на усадьбе никто не распускал язык, хотя всем была известна правда. Приказы Хенрикки исполнялись безоговорочно – он был строгим хозяином.

Остался один сын у Хенрикки – Олави. Младший сын был не по годам умным и серьезным человечком. Он мечтал стать доктором, исследователем. Он мечтал вылечить всех, кто болен. Отец обещал отвезти сына в Хельсинки, обеспечить его и дать возможность учиться в университете. Но и этот славный мальчик дожил до 16 лет, больше его организм не мог выдержать. Генетическая наследственная болезнь крови по линии матери забрала и саму мать, и малышей, которых она подарила мужу. Никого не осталось.

Айна видела, в каком состоянии пребывал Хенрикке. Он еще не состарился, он нажил состояние. А кому он все это оставит? Когда он увидел признаки болезни у младшенького, исчезла всякая надежда на старость в доме, где будут взрослые дети. Он мечтал нянчить внуков... Но ни детей, ни внуков теперь уже не дожждаться.

Правда, оставалась на усадьбе еще и Айна, молодая, по сути, женщина, которая вполне могла нарожать ему целую армию пацанов. Эту мысль он вчера совершенно четко ей озвучил. Он видел испуганные глаза русской, но ее чувства не задевали его сердца. Он – фанатик большой семьи, наследников... И только русская женщина может обеспечить ему реализацию мечты о наследниках.

Наступило утро. Айна боялась даже выйти из комнаты. Она вчера услышала решение, что сегодня станет женой Хенрикки. Бежать было невозможно. Где бы она ни была, ее все равно найдут местные жители и вернут хозяину. Весь день Хенрикки где-то пропадал, его не было дома. Как оказалось, он просидел весь день на кладбище. Прощался со своей Айной.

Вечером он появился, вошел к ней в комнату и швырнул на кровать какой-то сверток.

– Примерь. Ты сегодня должна быть в этом платье. Любимое платье моей Айны. В нем она была на нашей свадьбе. – И вышел из комнаты.

Айна понимала, что ей придется надеть платье, и замуж за него она будет вынуждена выйти.

Поскольку жили они в большом удалении от населенных пунктов, то обряд венчания Хенрикки решил провести сам. Для этого на большом кухонном столе он установил несколько свечей. Достал две иконы. На стол положил два кольца. Как поняла Айна, одно кольцо принадлежало ему во время брака, а второе – осталось от жены. Теперь она должна будет полностью принять на себя всю жизнь и проблемы этой чужой для нее семьи.

Сердце бедной женщины колотилось в груди, руки дрожали. Хенрикки молча показал ей на сверток с платьем. Айна ушла в свою комнату, развернула сверток и увидела прекрасное шелковое платье небесно-голубого цвета с белыми крупными горохами. Длинный широкий бант должен был служить поясом. Айна все 15 лет донашивала вещи Айны. Но это платье увидела впервые.

Ей ничего не оставалось, как надеть платье умершей женщины. Ощущение это совсем лишило ее жизненных сил. Платье было сшито как будто специально для русской девушки. Красоту придавал ему широкий пояс, который завязывался бантом. И концы этого красивого банта опускались до края подола платья. Это было очень красиво. Айна посмотрела на себя в зеркало. На нее смотрела голубоглазая стройная женщина, которая вполне могла бы еще быть невестой, стать женой любимого человека, родить ему наследников... Но не этот случай! Не замужество в плену...

Раздался голос Хенрикки:

– Айна, я жду!

Она вошла в кухню. Жених тоже переоделся в более подходящую для данного случая одежду. Его когда-то белая, а теперь пожелтевшая праздничная рубашка тоже, очевидно, была

со свадьбы. И, наверное, все эти пятнадцать лет лежала вместе с платьем в горошек где-то в сундуке.

Айна вошла в кухню и остановилась. Командовал здесь Хенрикки. Он обернулся и увидел невесту. Она показалась ему настолько красивой, что глаз невозможно отвести. В нем впервые за долгие годы в статусе вдовца проснулась мужская сила. Его похотливый взгляд совсем напугал Айну, и она съезжилась. Женщина с ужасом представила надвигающуюся на нее тяжелую фигуру Хенрикки. Что с ней будет? Он сомнет ее как нежный цветок, и жизнь превратится в совершенный ад. К ее ужасу она понимала, что защиты нет. И не предвидится.

Спазмы в груди мешали ей вдохнуть воздух полной грудью. Она беззвучно открывала и закрывала рот. Но не могла сказать ни слова. Силы покинули ее, и она свалилась на каменные плиты. Раздосадованный Хенрикки подумал, что эта русская – очередная кандидатура на кладбище. И что не видать ему никогда теперь детей, похожих на него самого. Тем не менее, он заботливо склонился над ней, поднял ее на руки и перенес на кровать. Принес холодной водицы в кружке.

Айна открыла глаза и увидела склонившуюся над ней грузную фигуру хозяина, его большую лохматую голову. Она закрыла лицо руками и заплакала. Хенрикки даже не ожидал от себя таких эмоций. Он схватил руку Айны, покрыв ее поцелуями и сказал с теплом в голосе:

– Айна, напрасно ты меня боишься. Я никогда не обижу тебя. Ты посмотри, мы с тобой остались на всей усадьбе вдвоем. Нам судьба даст еще детей, и мы будем счастливы. Наши дети будут учиться в Хельсинки. Они станут образованными людьми. Пойдем, пройдем обряд венчания, и ты станешь моей женой.

Невеста лежала не шевелясь. Он поднял ее на руки и принес в кухню. Поставил ее на ноги перед столом, на котором лежали две большие иконы. Взял ту, что поменьше и передал ее Айне. Сам взял другую икону. Обряд венчания начался. Никогда Айна не слышала, чтобы венчание проходило без батюшки. Но тут хозяйничал Хенрикки. И никакой это не обряд, а просто торопливый подход к первой брачной ночи... Ужас снова охватил Айну.

Хенрикки что-то быстро и часто говорил на непонятном ей языке. Бормотание его переходило в рев медведя. Он держал перед собой икону и исступленно что-то говорил святому, изображенному на ней. Он просил, а порой и требовал от Бога заслуженное счастье, тряс икону в руках, кричал... Поднимал икону над головой, и Айне казалось, что он в любой момент может изо всей силы хряснуть иконой о каменный пол... Это зрелище было ужасным и внушало ей страх. Потом повернулся к невесте и рявкнул:

– Молись и ты! Проси нам счастья, проси много детей! Мы еще можем стать с тобой счастливыми! – И вновь погрузился в свои ужасные молитвы.

Айна всмотрелась в лик иконы, там была изображена Божья Матерь. Она смотрела на Айну, и в ее взгляде было сострадание. Айна поцеловала икону и слова полились потоком. Она просила, в первую очередь, позволить ей встречу с сыном, которому вот недавно исполнилось 19 лет. Что она не видела его уже 15 лет. Слезы бежали ручейками и падали на чужое платье... Айна рыдала и просила Матерь Божью защитить от этого человека, который похитил ее из родного дома. Оторвал от сыночка и от мамы. И она повторяла одни и те же слова:

– Матерь Божья! Защити меня, помоги мне, спаси меня от этого ужасного человека! Я не хочу быть его женой... Лучше мне умереть! Но и умереть я не могу, меня ждет мама и сыночек.

Молящиеся жених и невеста не заметили, как началась гроза. Хлынул сильный дождь. Раскаты грома и молнии, пересекающие все небо, сверкали прямо над домом Хенрикки. Молитвы жениха и невесты были диаметрально противоположными. Каждый из них просил несовместимые между собой вещи. Господь решил положить конец этой молитве.

Все небо озарилось сверкающим светом молнии. Она пронзила небо с высоты и вошла в окно кухни. Причем стекло даже не развалилось на кусочки. Шаровая молния оплавил

стекло и влетела в комнату. Они остолбенели. Ни жених, ни невеста не ожидали прихода такой грозной гостьи. Светящийся шар диаметром сантиметров 20 пролетел прямо над головой Хенриikki, опалив его волосы, стукнулся о каменный очаг и разлетелся на мелкие кусочки огня. Один кусочек прилетел в грудь жениха.

Хенриikki упал как сраженный пулей. Дождь хлестал со страшной силой. Но гром прекратился. Гроза закончилась. Свечи погасли. Икона лежала на полу рядом с женихом, так и не успевшим стать мужем несчастной Айны.

Девушка вдохнула полной грудью. Ей показалось, что Божья Матерь открыла ей дыхание, исчезли спазмы в груди, и она вдохнула чистый кислород. Хенриikki стонал, он не мог пошевелить ни единым мускулом. Он что-то шептал, но голос был настолько слаб, что Айна не могла понять ни единого слова. Из его горла вырывался только хрип, он тщетно пытался что-то произнести. Почти беззвучно.

Айна взяла его подмышки и пыталась утащить в спальню. Поняв, что ей это не по силам, она побежала к домикам, где жили работники.

Мужчины ринулись вслед за Айной. Они вдвоем подняли Хенриikki и принесли его в комнату. Сняли с него верхнюю одежду и положили на кровать. Айна видела по его взгляду, что хозяин все понимал, все слышал. Только не мог шевелиться, разговаривать тоже не мог. Его парализовало. Парализация была двухсторонней. Не шевелились даже пальцы.

Айна побежала к себе, с остервенением сорвала с себя платье невесты, бросила его в угол и свалилась на кровать. Было состояние протрации. Ей по-человечески было жаль хозяина, но Бог, несомненно, все 15 лет видел ее страдания и слезы и принял сторону пленницы. Минувала угроза стать его женой. Но няней и сиделкой она обязана при нем быть. Просто по-человечески обязана. И она будет делать все, что нужно.

Глава 4

Свалившееся на Айну несчастье не сломило ее нежную душу. Уже пятнадцать лет она не видела сына, мамочку. Она иногда садилась под березу и смотрела на российскую сторону. Ей казалось, что она видит рельеф родных мест. Вот оно, видит око, а зуб неймет!..

Теперь ей пришлось взять на себя ответственность за ведение всего хозяйства. Надо было собирать урожай, забивать скот и везти мясо на рынок. Ко всему этому она не имела отношения до сих пор. Но теперь...

Хенрикки все понимал. Она рассказывала ему о положении дел. Что работники делали сегодня, что планируется на завтра. Он только внимательно ее слушал и движением век показывал, согласен или не согласен с ее действиями.

Сам Хенрикки понимал, что женщине не под силу справиться с таким большим хозяйством. Как-то она спросила, что он думает по поводу того, чтобы найти управляющего хозяйством. Чтобы у нее оставалось время для ухода за хозяином. Хенрикки кивнул головой, что было бы неплохо. И у него возникла мысль, кому конкретно он мог бы доверить эту работу. Но озвучить ему было трудно. Айна догадалась и начала произносить одну букву за другой, ожидая реакции хозяина. Когда она произносила нужную букву, Хенрикки прикрывал веки. Она записывала эту букву и показывала хозяину. Он нервничал, но запись продолжалась.

В конце концов, она смогла понять, что это мужчина по имени Тармо Ярвинен. Хозяин был удовлетворен проделанной работой, он устал и отвернул голову от Айны. А она тотчас отправилась к своим работникам. Они-то могли знать этого человека.

Шел апрель 1991 года. Айна чувствовала большую ответственность перед Хенрикки за состояние его бизнеса. Во-первых, она мало вникала до сих пор в хозяйственные дела. Больше занималась по дому и с Олави. А теперь она металась между неподвижным Хенрикки и фермой. Поэтому торопилась с приемом на работу управляющего. Но, к великому сожалению, этого Тармо никто не видел в последние несколько лет.

Сама она никуда не могла поехать в банк или магазины, потому что у нее не было совершенно никаких документов, удостоверяющих личность.

Из тех мужчин, кто работал на ферме, Айна выбрала одного, которому более-менее доверяла. Она отправила его в долину. Нужно было много чего закупить для хозяйственных нужд, но самое главное – найти Тармо, которого работник знал лично. Работник отсутствовал неделю. Айна уже потеряла покой. Мало ли что может случиться. Он ведь имел при себе немалую сумму денег.

Прошла еще почти неделя. От работника не было никаких вестей. У Айны уже не было физических сил. Вдруг ночью Айна услышала скрип колес, а также ржание лошади, радующейся прибытию в родной двор. Она выскочила из дома. Работник все-таки выполнил все поручения хозяйки. Но самое важное – с ним вместе прибыл и Тармо. Мужчины выгрузили все покупки с телеги и перенесли в дом. Айна зажгла фонарь, накрыла стол, чтобы покормить уставших мужчин.

Несмотря на глубокую ночь, Айна посмотрела, спит ли хозяин. Хенрикки не спал. Он был рад увидаться с Тармо. Однако гость не ожидал увидеть Хенрикки в таком тяжелом состоянии. Он остановился рядом с кроватью хозяина и растерянно смотрел, не зная, что можно сказать в таком случае.

– Друг, Хенрикки, что с тобой произошло?

Парализованный хозяин только и мог, что беззвучно пошевелить губами и показать веками, что он слышит, только ответить не может. Хозяин глаза перевел на Айну, показывая этим, что Айна уполномочена ответить на вопрос.

– Хенрикки болен, его парализовало. Очень жаль, что все так случилось. Мы не можем справиться без управляющего. – И повернулась к хозяину. – Я правильно говорю, Хенрикки?

Хозяин только веки опустил в знак согласия.

– Поэтому мы послали за вами специально своего человека. Согласны вы работать в нашем хозяйстве?

Произнося последнюю фразу, Айна подняла голову и посмотрела в глаза Тармо. Их взгляды встретились. Пробежала искра огромной силы между двумя совершенно незнакомыми людьми. Айна даже вздрогнула и чуть не потеряла равновесие. Но Тармо вовремя успел подхватить женщину. Это было что-то необычное. Айна никогда не чувствовала такой зависимости от незнакомого мужчины. От его прикосновения, когда он поддержал ее за локоть, у нее пробежала по телу дрожь, чего не мог не заметить Тармо.

Айна успела рассмотреть гостя. Он был высокого роста, темноволосый. Глаза его были карие и блестящие. Их блеск был замечен даже при неярком свете фонаря. Ему было чуть более сорока лет. Темные волосы, с седыми висками делали его внешность очень приятной и в то же время загадочной.

– Пойдемте, я вас покормлю и покажу, где сегодня вы будете спать. У нас много свободных комнат. А завтра мы вам выделим один из домиков. Там вам будет удобно.

– Спасибо, хозяйка!

В кухне Айна быстро разогрела суп с говядиной и запеченную баранину, нарезала свежеспеченный домашний хлеб. Чай с медом, заваренный из местных трав, был необычайно вкусен. Айна присела вместе с мужчинами за стол, предложила им еду, а себе налила чаю с медом.

– Вы жена Хенрикки? Хозяйка дома?

– Нет, я – прислуга в этом доме. Но я отвечаю за состояние дел в хозяйстве. Теперь это будет вашей обязанностью. Все свои решения прошу согласовывать со мной, таково решение хозяина.

– Хорошо. Завтра утром я готов приступить к работе.

– Условия жизни у вас будут самыми лучшими, какие мы только сможем обеспечить. От вас хозяин ждет добросовестной работы. А сейчас я вам покажу вашу комнату.

Айна решила разместить гостя в комнате Каролины. Это была просторная комната, пустовавшая со дня смерти матери Хенрикки.

В своей комнате Айна села на кровать и замерла от новых ощущений. Что такое случилось с ней? Ее никогда не волновал ни один мужчина. Она до сих пор чувствовала его легкое прикосновение к своей руке. Его взгляд был как будто спокойным, но проникал в самое сердце, от чего оно екнуло. И Айна едва устояла на ногах.

Она лежала на широкой кровати, такая маленькая и хрупкая. И такая несчастная, а в то же время и счастливая... Сон ушел напрочь, и она лежала, глядя в темноту, а перед ней мелькали как в кино кадры ее жизни. Начиная с детских лет. Что было в детстве? Родилась Аня после войны. Отец был геологом, а мама – медсестрой в больнице. Когда девочка была совсем маленькой, ее отец пропал в горах. С геологами происходили самые невероятные случаи. Кто сорвался в пропасть, кто попал под лавину, кого задрал медведь в густом лесу... Самое страшное было в том, что мама много лет плакала и говорила, что если бы был жив ее Алешенька, разве мог бы он не вернуться домой? Нет, не мог бы! Он любил и жену, и дочку самой чистой любовью. Мама плакала от того, что ей было невмоготу одной, что она не могла похоронить мужа. Да, и надежда не умирала, она все время надеялась на подарок от Бога. Мог же муж потерять память, и не знает, кто он и что его ждет семья... Все могло быть.

Тем не менее, годы проходили, Анютка росла без папы. Долгое время она была худенькой, незаметной. На нее парни стали обращать внимание только тогда, когда она окончила среднюю школу и поступила в швейное училище. Оно называлось довольно странно – училище прикладных наук.

А из всех наук она лишь научилась шить, вязать и вышивать. Для женщины это были самые необходимые науки.

Пришла и к ней любовь в виде красивого парня по имени Захария. Грузинские корни, имя необычное. Красавчик, работал водителем в леспромхозе. Любовь оказалась пылкой, но недолгой. Когда Анютка поняла, что беременна, решила поделиться прежде всего радостью с Захарией. А потом уж они придут вдвоем и сообщат ее маме, что ей предстоит скоро стать бабушкой. Правда, прежде должна быть свадьба, а потом – внук или внучка.

Однако Захария не воспылил радостными чувствами. Он сказал, что дети – это хорошо. Что завтра после работы они обсудят их будущее, а сегодня уже поздно и надо расходиться по домам. Аня была в состоянии эйфории, ей не хотелось даже руки убирать с животика, ведь там уже был ее маленький сыночек или дочка. Ей было все равно, кто родится первым. Она хотела как минимум трое деток, а лучше – пять.

Вечером она долго прождала Захарию. Но он не пришел на обычное место их встреч. В волнении, лишь только за его здоровье, она пришла в общежитие леспромхоза, где вахтерша горестно покачала головой и сказала:

– Эх, девка, девка! Уволился твой Захария и уехал утром сразу. В город уехал. А ты поди уже и беременная?

Аня подскочила на месте, яростно замотала головой, как бы отвечая на вопрос, что ничего она не беременна. Вернулась домой она глубокой ночью. Плакала на лавочке возле дома. Но матери ничего не сказала. Можно многое скрыть, но только не беременность. Наконец, до матери дошло, что дочка уже скоро может пойти в декретный отпуск.

Мать спросила дочку мягко, стараясь не обидеть вопросом:

– Анюта, ты ничем не хочешь со мной поделиться? У тебя нет для меня новостей?

– Нет, мама! Все как всегда...

– А ты на учет по беременности когда встанешь? Надо ведь знать, нормально ли протекает беременность.

Анюта вскинула глаза на мать. В них был испуг и стыд. И девушка горько расплакалась. Ей было горько, обидно за свою судьбу, за свою доверчивость. За чистую любовь, оказавшуюся безответной и даже растоптанной...

– Мамочка, прости меня, я такая дурочка, доверчивая. Но я не хочу делать аборт. Пусть будет у нас в доме маленький. Неужели мы вдвоем с тобой не вырастим одного человечка? – она с надеждой смотрела на мать и вытирала слезинки со щек.

– Доченька, ты не обидишься, если я спрошу, где отец ребенка? Он знает, что скоро станет папой?

– Мамочка, в том и беда, что знает. Я сказала ему сразу, как только поняла, что беременна. Он обещал, что о будущем поговорим завтра вечером. А сам утром уволился и быстро уехал. Сказали – в город уехал. Мама, я его не буду искать. Если мы ему не нужны, то нам зачем предатель-отец. Не сейчас бы предал, так позже мог. Я это уже все перестрадала. Ты-то меня простишь, мамочка?!

– О каком прощении ты говоришь? Твоей вины в этом нет. Неужели я буду тебя в чем-то упрекать, ты же самый дорогой мне человек на земле! Не волнуйся и береги здоровье. Завтра пойдем с тобой в женскую консультацию, надо на учет тебе встать, сдать все анализы и готовиться к родам. Помни о том, что должны быть только положительные эмоции, ребеночек все слышит и понимает. Пойдем, я тебя уложу баиньки, как тогда, когда ты была маленькой. Тогда ты засыпала с зайчиком, а теперь обнимешь животик, и с малышом будешь вместе засыпать. Спи, доченька. Нам не о чем плакать! У нас впереди столько радостных дней!...

Айна плакала и плакала, вспоминая свою ту, российскую жизнь. Узи показало, что в животике мальчик. Он был такой хорошенький, что и мама, и сама Анютка плакали вместе от умиления. Аня сказала, что мальчик будет Ванечкой. Иван Алексеевич, пусть носит отче-

ство по бабушке. Ванечка родился в срок. Он был такой... Что даже сейчас, спустя пятнадцать лет плена, она почувствовала невероятно родной запах, запах своего сыночка Ванечки. Он улыбался маме, улыбался бабушке. Вся семья была счастлива и все крутилось вокруг маленького Ванюшки. Он не капризничал, мать и бабушка находили нужные слова, что успокоить ребенка.

Мама Анюты – Клавдия Николаевна, работала медсестрой и была в числе тех, кто принимал роды у ее дочки. Бабушка первой подхватила внука на руки, сама перерезала ему пуповинку. Она первой увидела родовой знак на теле у мальчика. На солнечном сплетении у малыша была коричневая звездочка. Своеобразное родимое пятно. Небольшое, меньше сантиметра в диаметре.

Клавдия Николаевна при виде этого знака всплеснула руками и счастливая улыбка осветила ее лицо.

– Доченька, Аня, смотри! Дед Алеша прислал нам с тобой привет! У него было точно такое же родимое пятнышко на солнечном сплетении, как у Ванечки!

Молодая мама, несмотря на пережитые родовые боли и переживания, тоже порадовалась и попросила показать ей малыша. Мать подержала перед ней пару секунд орущий красный комочек и пошла пеленать внука. А у Анюты на губах застыла счастливая улыбка. Она так и осталась на ее губах. Ее радовал каждый новый жест сыночка, нравилось в нем все. Тут уже не было места мысли, что отец Ванечки оказался плохим человеком. Он такой и был, только она не рассмотрела его сути, не имела жизненного опыта и доверила свою жизнь подлецу. Но Ванечка, он ведь ни при чем. Он – сокровище мамы и бабушки.

Их сокровище смешно хмурил брови, надувал щеки, когда изображал грузовичок, ползущий в гору, натужно гудел, изображая рев мотора. А как он смешно изображал пчелу, которая собирает пыльцу. Он смешно растопыривал пальчики и искал пыльцу среди цветов, стоящих в вазе на тумбочке.

Для любой матери дети, рожденные ею, самые красивые и самые умные. И вот сейчас, глубокой ночью, находясь в чужой снежной Финляндии, буквально в десятке-другом километров от родного дома, Анна-Айна плакала, вспоминая о своем любимом сыночке, которого оставила таким маленьким. А кому она посвятила пятнадцать лет жизни? Совсем чужим людям. Вначале детям посвятила всю себя, надеясь, что Хенрикки отпустит ее домой. Со временем надежда таяла и исчезла совсем. Она поняла всю ситуацию. Здесь помогают своим, но не чужакам. Тем более, перевести ее через границу, да еще без вedomо Хенрикки никто бы не согласился. Все знали его бешеный и необузданный нрав.

Может быть, сейчас откроется для нее дверь для возвращения на Родину, когда Хенрикки уже не является могущественной личностью в этих краях. И Айна, поплакав еще, уснула. Во сне она увидела сына. Она даже не представляла, как он теперь может выглядеть. Он уже взрослый мужчина. Красивый должен быть. А во сне он пришел к ней взрослым. Это был такой красивый сон. Они сидели за столом, и сын рассказывал ей о своей любимой девушке. Он хотел познакомить маму со своей невестой. Даже во сне она пыталась запомнить каждую черточку его лица, понимая, что это всего лишь сон.

Утро она встретила с улыбкой на губах. Две радостные мысли сделали счастливой ее в это утро. Она увидела взрослого сына впервые за все время их разлуки. Все было настолько реальным, что она не могла понять в первую минуту после пробуждения, это было на самом деле или это только сон. Да! Она в чужом доме на чужбине, значит, это был сон. Лицо сына вписалось в ее память. Она бы теперь узнала его из тысячи других мужчин.

Тут же в глазах возник облик Тармо. Как будто из далекого далека к ней приблизился человек. Выступил из тумана на освещенную солнцем поляну... Он шел именно к ней. И вчера его путь был окончен. Этот человек вошел и в ту же секунду стал ей родным. Как такое может произойти, Айна не понимала. Но сердце подсказывало: это твоя судьба, это твой мужчина.

Не пройди мимо! Посмотри в его глаза! Они тебе скажут, что ты не ошибаешься! Он пришел к тебе!..

Айна сбросила с себя одеяло, вскочила и радостно закружилась по комнате. Она сбросила с себя все тягостные годы плена. Бог с небес ей показал, что сквозь черные тучи начало проглядывать солнце. Утро было солнечным и чудесным. Молодая женщина надела светлую блузочку, которая подчеркивала все еще стройный стан, длинную юбку, с широким поясом, расчесала свои длинные белокурые волосы и заплела их в косу. Посмотрела в зеркало, лукаво подмигнула себе и вышла из комнаты.

Глава 5

Каждое ее утро с момента парализации Хенрикки начиналось теперь с его комнаты. Она протирала его тело настоями трав, мыла его на клеенке. Это было ужасно тяжело, просто непосильная работа для женщины. А сегодня утром неожиданно для себя в комнате хозяина она увидела Тармо. Он делал ту работу, которую обычно по утрам делала Айна. Он протирал лицо и тело хозяина, менял ему постель. Как видно, Хенрикки доставляло удовольствие, что сильный мужчина переворачивает его и делает все это легко. Он ведь видел, как тяжело было Айне справляться с его мертвым неподвижным телом. Слава Богу, у него не было пролежней. И все это благодаря ей, Айне. Сегодня даже у Хенрикки было настроение получше. Он улыбался. Только сказать ничего не мог.

Айна приготовила завтрак и принесла в комнату хозяина. К ее удивлению, Тармо сидел на стуле рядом с кроватью Хенрикки, и они каким-то особым способом общались между собой. Тармо говорил, а Хенрикки реагировал на его слова движением век. И они понимали друг друга. Айна накормила хозяина. Протерла его лицо и спросила, как он думает, в какой из домиков лучше поселить Тармо. Хенрикки повел глазами, показывая, что никуда его не надо переселять. Пусть живет здесь. Вот в этой комнате, что находится за его изголовьем. Айна показала пальцем. Он подтвердил. И показал глазами, что очень будет рад, если Тармо будет помогать в уходе за ним, у него больше силы, чем у Айны. И ей будет легче.

Итак, с этого радостного утра у Айны началась новая жизнь. Она смотрела в глаза Тармо и видела ответную любовь. И он, и Айна светились как светлячки ночью. Их любовь была такой чистой и нежной. Они только еще начинали любить друг друга и любовь была платонической. Как-то вечером она предложила ему пойти к калитке, посидеть на лавочке под березой. Светила луна, был прекрасный летний вечер, Айна светилась счастьем. Тармо не решался даже обнять ее. Его смелости хватило лишь на то, чтобы взять в руки ее косу и перебирать прядки светлых волос. Она засмеялась и сказала:

– Ты как моя мама косу перебираешь! Она так любила с моими волосами играть. Заплетала по-разному, расчесывала, завязывала хвостик.

– А где твоя мама сейчас?

Айна вздохнула и горестно произнесла:

– Эх, Тармо! Знал бы ты, как давно я не видела маму! Уже пятнадцать лет! Бедная моя мамочка, как она? Может, и в живых ее нет, а я тут сижу...

– Где она живет?

– В России, Тармо! У меня и сынок есть – Ванечка, Сейчас ему уже 19 лет. А я видела его в последний раз 15 лет назад, ему было всего 4 года. Да, за все годы я его недавно увидела во сне, уже взрослым увидела. Плакала...

Соскучилась я очень по своим родным.

– Тогда как ты попала в Финляндию?

Она закрыла лицо руками, не могла справиться с эмоциями. Тармо обнял ее за плечи и прижал к себе.

– Не плачь! Если не хочешь, не рассказывай.

– Скажу. Меня похитили рядом с домом и через границу доставили прямо в дом Хенрикки. У него было трое малышей, три сыночка. Жена имела генетическую болезнь крови. Умер один малыш двух лет, следом за ним умерла жена. Младшему был годик, он не помнил еще маму, а вот старшему было четыре года, и он заскучал по матери, ждал ее, перестал есть и был на грани жизни и смерти. Вот тогда Хенрикки и поручил найти женщину, похожую на его жену и доставить ее сюда. Привезти женщину из России было гораздо легче и быстрее, чем искать в долине ту, которая будет похожа и согласится приехать сюда. Вот так я сюда и попала.

Тармо повернул ее к себе и поцеловал ее заплаканное лицо.

– Бедная ты моя! Как же ты настрадалась в чужих краях!

– А теперь умерли два его сына, которые выросли на моих руках. Я их любила как родных, я к ним привыкла. Умерла и мама Хенрикки. После смерти последнего сына он стал одержим мыслью, что я должна стать его женой. Что только я могу родить ему здоровых наследников.

У Тармо от удивления глаза расширились.

– Он приставал к тебе?

– Никогда. Он меня не видел как женщину. Для него главное – дети, наследники. И он очень хотел, чтобы я стала его женой. Наверное, Бог меня освободил от этой тяжелой судьбы. В этот вечер его парализовало. В дом ударила молния, и его поразил ее удар. С того момента он не двигается и не разговаривает. Уже два месяца. Теперь, когда появился ты, мне стало намного легче справляться с уходом за неподвижным Хенрикки.

Он прижал к себе Айну, и она положила свою голову на его грудь. Он был такой большой и надежный... Айна впервые осмелилась сама обнять Тармо. Он поцеловал ее так, как мужчина должен целовать свою любимую женщину. Их чувства были взаимными, они так и сидели до рассвета на скамье.

Их светящиеся лица и блеск глаз не остались незамеченным Хенрикки. Как ни было ему больно, но его положение было незавидным. Он не мог обойтись без них обоих. Тармо прекрасно справлялся с обязанностями управляющего, а вечерами старался делать массажи парализованному хозяину. Успехи проявились через две недели. Больной пошевелил левой рукой. Как мог, он старался привлечь внимание Тармо к пальцам левой руки. Хенрикки попытался зажать кусочек одеяла и потянуть в сторону. Это ему удалось.

Айна и Тармо дружно засмеялись и улыбнулся сам Хенрикки.

Прежде унылый почерневший дом на холме теперь осветился солнцем. Айна сменила занавески, сделала небольшой ремонт. Прежде всего это было сделано в комнате Хенрикки. Ему понравилось. Он уже пытался что-то говорить, но пока это было больше похоже на нечленораздельное мычание. Зато левой рукой он мог уже держать кусочек хлеба. В хозяйском доме жили теперь три человека. Чужих здесь не было. Но любовь между Айной и Тармо невозможно было скрыть. Счастьем светились их лица.

Из рассказов Тармо Айна узнала, что он более десяти лет был вдовцом. У него был уже взрослый сын, который жил в Хельсинки. Он стал врачом и работал в столице. С отцом они виделись не так уж часто, но отношения между ними были очень теплые и добрые. Сын еще не успел обзавестись семьей. Врач из него получился хороший. Тармо читал об этом в газете, где его сыну посвящен был целый очерк.

Прошло более двух месяцев. Был конец августа. Днем еще было тепло, но ночи стали довольно прохладные. Но все равно влюбленные каждый вечер допоздна засиживались на своей любимой лавочке под березой. Тармо одевал теплый вязаный жакет, брал с собой теплый плед из овечьей шерсти, и они усаживались на лавочке. Айна сидела на коленях у Тармо, он укутывал ее в плед, и они могли разговаривать часами, в промежутке между поцелуями.

Они уже обговаривали свое будущее. Никто из них двоих не хотел расставаться ни в коем случае. Уехать отсюда им вдвоем, это означало бросить на произвол судьбы больного Хенрикки. Пожениться здесь – значит, нанести обиду больному человеку. Ведь он сделал предложение Айне. С учетом всех затруднений они приняли решение не торопить события. Будущее прояснится само собой. А пока Тармо прижимал к груди свою фею – Айну и благодарил судьбу за такой дорогой подарок.

Так они сидели и шепотом разговаривали, им было хорошо и уютно в этот прохладный осенний вечер на любимой лавочке у калитки. Вдруг перед ними мелькнула тень. Они замерли. Кто бы это мог быть? Собаки закрыты на хозяйственном дворе. А в их местности воров обычно

не было. Хочешь есть – попроси, тебя накормят и с собой дадут еды. А тут кто-то крался к калитке.

В густой тени березы человек не мог увидеть сидящую парочку. Это был высокий худощавый мужчина, одетый явно не по сезону. В такое прохладное время на нем была только рубашка с коротким рукавом и брюки. Никакой куртки... За плечами небольшая котомка. И мужчина, оглядываясь, приближался к калитке. Тихо открыл ее и осторожными мелкими шагами направился не к дому, а к хозяйственным постройкам, где содержали кур, уток и гусей.

Тармо показал Айне знаком, чтобы она молчала. Надо проверить, что собирался делать незнакомец. Он отошел от них уже метров на пятьдесят и следовал напрямик к сараю. Они тихонько следовали за ним. Человек открыл дверь в блок, где на насестах уже давно спали куры. Какую цель имеет незнакомец? Может, он хочет поджечь усадьбу?

Человек шел очень осторожно. Под его ногами даже веточка не треснула. Стояла абсолютная тишина. Он открыл дверь и вошел внутрь. За ним проследовали Айна с Тармо. Человек продвигался вдоль стены, а Тармо уже вошел и крался следом за чужаком. Тот нащупал гнездо, в котором еще оставалось несколько яиц. Тармо услышал звук разбиваемого яйца и незнакомец выпил первое яйцо. Так он выпил штук пять яиц и повернулся, чтобы направиться к выходу.

В этот момент его и схватил Тармо. Он выкрутил парню руки и вывел его на улицу. Там стояла Айна. Здесь было чуть посветлее и Айна поняла, что это не совсем взрослый мужчина. Это молодой парень, которому едва исполнилось 18 лет. Откуда он тут появился?

Тармо попросил Айну зажечь фонарь, который всегда висел внутри, у двери, чтобы можно было быстро его зажечь. Она в один момент справилась с поручением. Теперь уже можно было рассмотреть лицо незнакомца. Парень выглядел испуганным.

Тармо строго спросил парня на финском языке:

– Ты кто? Что тут делаешь?

Парень не ответил. Но он пытался что-то ответить... на русском.

Она воскликнула:

– Так ты что, русский?

– Да! – тихо ответил парень.

– А зачем ты к нам пробирался?

– Я несколько дней не ел. И подумал, что если найду яйца куриные, выпью их. А если в сарае корова, то молочка выпью хоть немного. Я очень замерз. Не убивайте меня. Я ничего не хотел сделать плохого. Отпустите меня, я уйду.

– А куда ты пойдешь? Тармо, смотри, он едва на ногах стоит. У него жар.

У парня была горячая голова. Его бил озноб. И он уже не мог держаться на ногах самостоятельно. Парень медленно оседал на землю.

– Айна, давай его в баню унесем. Я сейчас растоплю там печь, мы его напарим, собьем ему температуру. А то он эту ночь не переживет.

Айна бежала впереди с фонарем, а Тармо нес парня на руках. Парень исхудал, был легкий, как перышко... Пока Тармо растапливал печурку в бане, Айна сбегала к калитке и принесла в баню плед. Она закутала парня в плед, сняла с него мокрую обувь и закутала его ноги жакетом, который снял с себя Тармо.

Вскоре баня была готова. Айна налила в корыто воды. Тармо начал снимать с парня одежду. Тут уже было не до стеснения. Айна помогала, и они аккуратно посадили парня в корыто с водой. Он уже не мог держаться, поэтому Тармо поддерживал парня под спину, а Айна начала его отмывать. Вымыла голову, сполоснула настоем трав. Потом начала мочалкой оттирать его тело. Парень почти не реагировал ни на что.

Когда они вымыли его и начали растирать тело полотенцами, парень немного пришел в себя и почувствовал себя совсем неловко в присутствии женщины. Как ему стало стыдно, что он совершенно голый, и он начал закрывать тело руками. В этот момент Айна увидела в районе

солнечного сплетения у парня темное пятнышко. Она подумала, что это прилип березовый листик. Она пыталась пальцем смахнуть этот листик, но парень пробормотал:

– Не троньте, это родинка. Подарок деда. – И снова потерял сознание.

Айна подскочила и начала бегать вокруг парня, размахивая руками и обращаясь к Тармо:

– Тармо, ты только меня послушай! Это же мой сын! Мой Ванечка! У него была такая родинка, и мы всегда говорили ему, что вот эту родинку тебе дед подарил.

Бедная женщина в состоянии крайнего возбуждения схватила фонарь, поднесла его поближе к парню и пыталась рассмотреть родинку. Да, она была. Это была родинка, единственная в мире. Она была у ее отца и генетически досталась сыночку Ванечке. Тармо был в шоке. Как могло такое случиться, что 15 лет назад мать выкрали, и она оказалась в этом доме, а теперь ее выросший сын как будто специально пришел именно в этот дом, чтобы встретиться с матерью.

Он пытался успокоить плачущую Айну.

– Моя хорошая, не плачь. Если это твой сын, то можно сказать, что Бог прислал тебе самый большой подарок в жизни. Доставил сына напрямик к тебе домой. А?! Ну, что же ты плачешь?

– Да как же могло такое случиться, что он раздетый и голодный перешел границу? От кого он убежал? Кто перевел его через границу?

– Он нам все расскажет сам. Давай подумаем, в какую комнату мы его поместим, чтобы это было подальше от комнаты хозяина. Чем меньше он будет знать, тем лучше для нас всех.

Сам же виновник слез Айны находился без сознания. Он даже не услышал, что незнакомая ему женщина рыдала над ним и называла его ласково и нежно – сыночек! Тармо закутал парня, поднял его на руки, нес как ребенка, настолько исхудал бедный мальчик. Они тихонько внесли его в дом через заднюю дверь и прошли в самую дальнюю комнату, в которой раньше спала Каролина.

Айна нашла одежду Олави, они переодели парня и уложили его в кровать. Теперь Айна бросилась искать жаропонижающие таблетки. Они оказались в наличии. Вскоре температура стала снижаться, парень спал и дышать стал более ровно и спокойно. Мать ни на минуту не отходила от постели сына. Она держала его за руку, гладила по голове. Тармо она отправила спать. У него будет завтра напряженный день.

В который уж раз Айна приоткрывала грудь сына и рассматривала родинку. Да, ошибки быть не могло. Айна обрела сына, причем неожиданно. И мать плакала, обливая слезами руку сына, которую она целовала без конца.

Наступило новое утро. Утро нового жизненного цикла для Анны-Айны. Она так и не уснула ни на минуту. Но не чувствовала никакой усталости. Едва лишь ее сын открыл глаза, она сказала ему на русском языке:

– Доброе утро, Ванечка!

Парень испуганно взглянул на нее и спросил:

– Откуда вы знаете мое имя? – Он уже попытался встать и бежать, куда глаза глядят.

– А вот это родимое пятнышко, которое на груди, тебе его дед подарил?!

– Откуда вы это знаете?

– А ты сам – Носков Иван Алексеевич?

Больной парень совсем впал в панику. Он пытался вскочить с кровати и убежать. Его раскрыли, причем они о нем знают все, а он о них – ничего. Он вчера потерял сознание и теперь пытался понять, что же с ним произошло позже, когда он себя не контролировал.

Айна обняла сына, уложила его снова в кровать, улыбнулась ему и сказала:

– Я тебя узнала по родинке. А тебе ее подарил дед. А мне он – отец. Значит я – твоя мама!

– Как это мама? Как такое может произойти? Мне бабушка рассказывала, что моя мама исчезла. И ее не нашли. Но мы все время ее ждали. Вдруг она жива.

– А ты Носков Иван Алексеевич?

– Да!

– Откуда бы я могла об этом узнать? А твою бабушку зовут Клавдия Николаевна Носкова?

А ты у нее внучек Ванечка – самый любимый человек? Так?

– Все так, до последнего слова.

– Вы с бабушкой жили на улице Советской 25, квартира 8.

– С ума сойти можно!.. Неужели вы – моя мама? Почему же вы нам ничего не сообщили?

– Ах, мой родной! Если бы ты знал, сколько мне пришлось пережить! Но мы об этом обо всем успеем поговорить. Мне нужно вылечить тебя. Как ты себя сейчас чувствуешь?

Айна гладила его по голове как маленького, приглаживала ему каждую прядку.

– Давай, Ванечка, поставим подмышку градусник. Я так хочу заботиться о тебе, мой мальчик! Как я мечтала о встрече с вами все эти годы! Я тебе попозже расскажу все, и ты мне расскажешь. Это счастье, что мы смогли встретиться! А сейчас я тебе немного расскажу о порядках этого дома.

– Кажется, у меня нет температуры. И чувствую я себя намного лучше.

– Отлично. Скоро я тебя накормлю как следует. А пока послушай.

Хозяин дома парализован, это человек, потерявший всю свою семью.

Я здесь в качестве домработницы. Тармо – управляющий хозяйством. Пока мы не обдумали наши дальнейшие действия, не нужно, чтобы тебя увидел хозяин дома. В туалет ты можешь выйти через этот коридор. Тут тебя никто не увидит. Завтрак я принесу тебе в комнату. Все остальное понемногу обустроим.

– Хорошо... мама! – как-то нерешительно произнес Ванечка.

– Ванечка, я убегая готовить завтрак. Скоро приду.

Глава 6

Теперь Айна летала как на крыльях. Ее ноги едва касались пола. Глаза светились таким огнем, что даже Хенрикки вопросительно на нее уставился и сверлил внимательным взглядом. На что она быстро ответила ему, показав рукой за окно, что погода с утра прекрасная, и она очень рада тому, что у Хенрикки здоровье пошло на поправку. Вот и кусочек хлеба держит сам. Это первая победа. Хозяин немного успокоился. Тармо уже умыл его и перестелил постель. После вкусного завтрака Хенрикки задремал.

Все помыслы Айны были устремлены к сыну. Она не могла еще осознать, каким же образом ее сынок попал за границу. Что с ним случилось? Мать приготовила сыну обильный завтрак, ему нужно было набираться сил. Мальчик совсем исхудал, голодал и был полуодетый. Немудрено, что он потерял сознание от голода и переохлаждения.

Айна с волнением в сердце торопилась к сыну. Она взяла большой поднос и составила на него все, что могло понравиться Ванечке. Она уже успела сварить супчик из курицы, которая еще утром снесла яйцо, отварная баранина и говядина, копченая телятина мелкими кусочками, парное молоко, свежее испеченный хлеб и запеченные сладости. Мальчика надо поддержать, чтобы он быстрее окреп.

Иван стоял у окна и рассматривал пейзаж за окном.

– Ванечка, садись за стол, я тебя сейчас покормлю. Тебе сейчас надо быстрее встать на ноги. – Мать погладила сына по спинке. Ей хотелось, чтобы Иван ее обнял, но парень, похоже, еще стеснялся проявлять свою любовь и нежность. Слишком долгой была разлука, и вместо мамы у него была теперь бабушка.

– Мама, давай вместе позавтракаем. У тебя для себя, наверное, времени не хватает.

– С удовольствием, сынок!

После завтрака Айна собрала всю посуду, унесла в кухню и тут же вернулась в комнату к сыну. Им предстояло многое узнать друг о друге.

– Ванечка, родной, расскажи, что с тобой случилось. Почему ты оказался за границей. Ты от кого-то скрывался? Потому что не по сезону одет и без документов, скрывался, шел ночью. Я хочу вообще все знать. Как вы с бабушкой жили без меня. Как здоровье бабушки сейчас?

– Нет, мама! Я первым хочу услышать твой рассказ о том, что с тобой случилось. Пятнадцать лет тебя не было. Ты жила совсем рядом с домом и ни разу не могла отправить весточку? Мне это непонятно. Вот это я и хочу узнать.

Глаза сына увлажнились. Тем не менее его карие глаза смотрели на мать выжидающе и даже строго. Айна понимала чувства сына. Он имел право знать всю правду.

– Хорошо, сынок! Поверь мне, что я исчезла не по своей воле. В тот день, когда я исчезла из поселка, был теплый солнечный день. Я его хорошо помню во всех деталях. Я вернулась с работы, вышла из автобуса, и мне нужно было пройти еще метров 200 до нашего дома. Я могла бы идти по тротуару вдоль дороги. Но было лето и сезон сбора лесной земляники уже заканчивался. Мне так хотелось тебя побаловать. Так, кстати, было всегда.

Тебя из садика забирала бабушка по пути, а я всегда проходила по опушке леса и собирала ту ягоду, которая в то время созревала. Сначала смородина, потом лесная малина, потом костяника, и земляничка. Землянику ты любил больше других ягод. И я так увлеклась, шла я в зоне видимости. Меня было видно с дороги. А мимо меня мчались и грузовики, и легковые автомобили, и рейсовые автобусы.

Я ниоткуда не ждала опасности. Перед моими глазами стояла нетронутая полянка, которая была красной от множества спелой земляники. Я присела и начала срывать ягоду вместе с веточками. Никого вокруг не было. Я даже шагов не слышала. Вдруг перед моим лицом

мелькнула какая-то белая тряпка, и я потеряла сознание. Неизвестно, сколько времени я была без сознания. Видимо, меня усыпили эфиром.

Когда я очнулась, был глубокий вечер, сумерки. Я лежала на носилках, Руки мои были связаны, хотя и не больно, но развязать их я оказалась не в силах. Я закричала, просила о помощи. Меня несли на носилках двое мужчин. Еще несколько мужчин шли впереди и позади меня. Я пыталась развязать руки и просила объяснить, что они собираются со мной сделать. Куда мы все идем?

Бородатый мужчина, похожий на бандита, дал приказ сделать привал. Мне развязали руки, дали хлеба и маленькую бутылку сока.

– Ешь и не кричи, а то придется завязать тебе рот. – Он говорил на чистом русском языке.

О какой еде могла идти речь. Я отказалась. Тогда мне снова связали руки и понесли меня дальше. Так мы двигались в полной темноте всю ночь. Главный этой банды попросил меня не кричать, иначе все кончится не только их смертью, но и моей. Так что если я хочу жить, то не должна кричать. В противном случае мне просто заклеют рот пластырем.

К утру мы вышли из леса. Меня беспощадно всю ночь ели комары, я вся отекала. Остановились на привал. Разожгли костер, разогрели еду, поели. Главный бородач достал деньги из-за пазухи, рассчитался с людьми, и мы остались у костра втроем.

Должна сказать, что меня никто не обидел ни единым словом. Очевидно, бандиты получили заказ доставить меня в определенное место. И они это выполнили. Ко мне подсел этот бородач и миролюбиво заговорил со мной.

– Ты на меня не обижайся, что пришлось руки связывать, угрожать тебе. Мы тебя забрали рядом с твоим домом не случайно. Это вынужденная мера. Пойми. У каждого человека может случиться горе.

– Где мы сейчас? Что вы меня успокаиваете разными сказками. У каждого все может случиться. Но у меня дома сын и пожилая мама. Им как жить без меня?

– Мы сейчас в Финляндии. Перешли границу. Через болота и ужасные топи. Просто мы знаем все тайные тропинки. Ко мне обратился мой земляк, он недавно потерял маленького сына и жену. И у него сынок, которому всего 4 года, затосковал по матери, отказывается есть. Мальчик умирает. Не знаю, застанем мы его живым или нет. Этот человек дал мне фотографию своей жены и попросил привести для него девушку, похожую на его умершую жену, чтобы спасти ребенка.

Первой похожей девушкой оказалась ты. Мы выслеживали тебя несколько дней. И вот ты здесь. Он хочет, чтобы ты спасла его ребенка и побыла в его усадьбе несколько месяцев. Он заплатит тебе хорошие деньги. И мы же тебя снова доставим на российскую сторону. Я прошу тебя проникнуться сочувствием к этому человеку. Он и так потерял в жизни жену и сына. Нет гарантии, что и остальные дети будут живы, поскольку у его жены какое-то генетическое заболевание. Дети обречены тоже на вымирание. Поэтому тебя и просят помочь.

Я сидела в глубоком горе. Меня тут никто не спрашивал. И он предупредил, что самостоятельно перебраться через границу я не смогу, потому что без проводника – это верная смерть. А он сможет меня провести только по просьбе Хенрикки, который заказал мою доставку на финскую сторону.

– А теперь пойдем. Нас ждут.

К вечеру мы добрались до огромного холма, поднялись на холм. Там и жил этот человек. Мальчик был еще жив, но когда он бежал ко мне, у него нехватило сил сделать еще несколько шагов, бедный ребенок упал рядом со мной и потерял сознание. Хозяин заверил меня, что как только ребенок поправится, меня вернут домой.

Про прошествии полугода я поняла, что никто не собирался меня возвращать в Россию. Представь, какие у меня были страдания. Я вынуждена была ухаживать за двумя чужими детьми, а совсем рядом мой единственный сынок жил без меня.

Иван взял руки матери в свои, поцеловал каждый ее пальчик и сказал.

– Мама, а мы ведь с бабушкой верили, что ты жива. Я с тобой разговаривал каждое утро.

У меня над кроватью бабушка повесила твой портрет и я каждое утро спрашивал тебя.

– Мам! Ты сегодня вернешься?

– А что отвечала я?

– А ты только грустно улыбалась и я понимал, что сегодня ты не придешь.

– А что бабушка? – с волнением в голосе спросила Айна.

– Она каждый день плакала, но старалась, чтобы я этого не видел. Нам было плохо без тебя мама! Неужели ты не могла никак передать весточку?

– Сынок, добраться до нашего российского консульства я не смогла бы. Меня бы сам Хенрикки не выпустил из дома, потому что мы живем в очень отдаленном месте, у самой границы с Россией. Идти до Хельсинки без знания языка и без документов – нереально. А через границу меня никто бы не смог перевести без согласия Хенрикки. Вот я и мучилась тут 15 лет. Месяца четыре назад умер последний сын Хенрикки. Его звали Олави. Это имя переводится с финского как «наследник». Он был самым младшим сыном в семье и скончался в возрасте 16 лет.

– Мама, ты не обидишься, если я спрошу тебя кое о чем?

– Нет, конечно, у нас с тобой не может быть секретов друг от друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.